

И. Л. БЕЛЕНЬКИЙ

С. О. ШМИДТ — ИСТОЧНИКОВЕД И ИСТОРИОГРАФ

15 апреля 1992 г. исполнилось 70 лет со дня рождения председателя Археографической комиссии, профессора Историко-архивного института Российского гуманитарного университета, академика Российской Академии образования Сигурда Оттовича Шмидта.

С рубежа 1950—1960 гг. в поле исследовательского зрения С. О. Шмидта оказываются проблемы обоснования источниковедческого знания и его преподавания. Дисциплинарный статус науки об исторических источниках; ее строение («источниковедческая теория» и «источниковедческая практика»; «методология источниковедения», «теория источниковедения», «методика и техника источниковедческих исследований»; источниковедение: «теоретическое», «общее», «комплексное», «конкретное», «частичное», «практическое», «прикладное» — эти понятия, присущие языку 1960—1980-х гг., «нежестко» координируются С. О. Шмидтом в его замечательной статье 1969 г. «Современные проблемы источниковедения»¹); взаимосвязь с археографией, архивоведением и другими вспомогательными и специальными дисциплинами; понятия «исторический источник» и «исторический памятник»; вопросы классификации; терминология; принципы разработки учебного курса; историография источниковедения и источниковедение историографии; источниковая база краеведческих исследований; проблематика памятниковедения (в т. ч. понятия «документальный памятник» и современное состояние охраны памятников истории и культуры); изучение художественной литературы как исторического источника; введение «географической среды» (и шире — «природы» в целом) в предметное пространство источниковедения — такова проблематика этого направления научных интересов С. О. Шмидта, нашедшая отражение во множестве его статей, докладов, в лекциях, учебных пособиях и выступлениях в широкой печати.

¹ Источниковедение: Теоретические и методические проблемы. М., 1969. С. 7—58.

Конкретно-источниковедческая направленность была присуща еще ранним работам С. О. Шмидта по социально-политической истории XVI—XVII вв. Уже в них наметились те черты исследовательской методике, которые в полной мере проявились в трудах ученого более поздних лет: единство источниковедческого и собственно исторического подходов; органическая взаимосвязь источниковедческого анализа, публикации отдельных документов и архивно-археографической реконструкции их целостных комплексов.²

С. О. Шмидт, историк-источниковед, учился у М. Н. Тихомирова. От своего учителя (в известной степени от Н. К. Пиксанова, являвшего в Среднеазиатском университете в Ташкенте семинар по методике изучения истории русской литературы, и Н. Л. Рубинштейна, создателя лучшего на сегодняшний день общего курса по истории русской исторической науки) С. О. Шмидт воспринял трезвость взгляда на источниковедение, «естественное», «органическое» его понимание как необходимого инструментария исследовательской работы, предельно отстраненного от собственно исторического исследования.

В 1940-е гг. для старшего поколения медиевистов—исследователей отечественного средневековья, в трудных условиях времени сумевших сохранить (с учетом всех обстоятельств политико-идеологического контекста) традицию «органического воззрения» на исторические источники, методы работы с ними (сохранить и даже обогатить ее пропедевтикой преподавания источниковедения и вспомогательных дисциплин, прежде всего в стенах МГИИИ), идущую от создателей московской исторической школы конца XIX—начала XX в., дистанцированность от постановки теоретико-методологической проблематики была не только естественным следствием общей идеологической и научной ситуации эпохи, но и в значительной мере проявлением глубокой внутренней убежденности в отсутствии самой необходимости постановки подобной проблематики. Сам архетип ментальности московской исторической школы диктовал эту дистанцированность. И этому архетипу полностью соответствовал

² Правительствоская деятельность А. Ф. Адиева и восточная политика Русского государства в середине XVI ст.: Автореф. дис. — канд. ист. наук. М., 1949. 10 с.; Чедаятский приказ в середине XVI столетия // Изв. АН СССР. Сер. истории и философии. М., 1950. Т. XII. Вып. 5. С. 446—453; Продолжение Хронографической редакции 1612 года // ИА. М., 1951. Т. VII. С. 254—299; Правительствоская деятельность А. Ф. Адиева // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Филол. науки. 1954. Вып. 167. С. 25—53; Предисловия и первые главы «Казанский поны» (1545—1549) // Тр. Моск. гос. историко-архивного института (далее: МИАИ). М., 1954. Т. 6. С. 187—257; Миниатюры Царственной книги как источник по истории Московского государства 1547 г. // Проблемы источниковедения. М., 1956. Вып. 5. С. 265—284; Царский архив середины XVI в. и архивы правительственных учреждений: (Опыт изучения Царского архива) // Тр. МИАИ. М., 1957. Т. 8. С. 260—278; Заметки о языке посланий Ивана Грозного // ТОДРЛ. Л., 1958. Т. XIV. С. 256—265; К истории Царского архива середины XVI в. // Тр. МИАИ. М., 1958. Т. 11. С. 364—407; Описи Царского архива XVI века и архивы Посольского приказа 1614 года. М., 1960. 195 с.; К истории составления описей Царского архива // Археографический ежегодник за 1958 г. М., 1960. С. 54—65; Незаконные документы XVI в. // ИА. М., 1961. № 4. С. 149—158; Предисловие к чудесам при постройке Новгородской ропаты // Историко-археологический сборник. М., 1962. С. 314—319; Издание и изучение источников по аграрной истории России XVI в. // Тезисы докладов и сообщений на южной сессии Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы (1962. Минск). Минск, 1962. С. 94—96, и др.

курс М. Н. Тихомирова «Источниковедение истории СССР»³, обзор-перспектива источников по истории этого периода, содержащий в первой главе необходимый минимум общисточниковедческих представлений. Можно предположить, что в сознании старшего поколения историков, продолживших традиции московской школы, существовала убежденность в самодостаточности «органического воззрения» на историковедческие проблемы и сохранилась, в глубоко трансформированном виде, та демаркационная линия, которая еще в начале XX в. различила и определила конфигурацию исследовательских устремлений и стилистики источниковедческого мышления, присущих московской и петербургской школам. Именно с именами ряда выдающихся представителей петербургской школы, и прежде всего с именами А. С. Лаппо-Данилевского, А. А. Шахматова и их учеников, и в научной реальности, и в ее историографическом осознании связана теоретико-методологическая ориентация источниковедческого и историко-филологического мышления. Теоретические установки А. С. Лаппо-Данилевского были подвергнуты резкой критике еще в 1920-е гг.; однако именно они в конечном счете в неявной, скрытой форме определили наиболее конструктивные и содержательные моменты логоса советской теоретико-источниковедческой мысли 1920—1930-х гг., в свою очередь забытой и как бы выпавшей из официального канона — имевшей место не быть в достаточно узком горизонте источниковедческого сознания 1940-х — начала 1950-х гг. Основным объектом идеологической критики во второй половине 1940-х гг. и оказались прежде всего наследие А. С. Лаппо-Данилевского, А. А. Шахматова, труды их непосредственных учеников. «Связь времен» в официальном историковедческом каноне оказалась разорванной (восстанавливать ее уже пришлось в последующие десятилетия, и здесь С. О. Шмидт сделал чрезвычайно много, но об этом ниже). Но, вне всякого сомнения, в менталитете старшего поколения историков-медиевистов 1940-х — начала 1950-х гг. эта связь в той или иной степени ощущалась и осознавалась.

Общение с учителями и старшими коллегами (необходимо упомянуть, в частности, имена А. И. Андреева и Б. И. Старомятникова), публикация таких значительных трудов конца 1940-х гг., как «Русские феодальные архивы» Л. В. Черепнина и «Русские летописи и их культурно-историческое значение» Д. С. Лихачева, в контексте многих других связей и влияний, значительно обогатили теоретический кругозор молодого ученого. Позднее С. О. Шмидт рассказывал, что уже в эти годы был знаком с отдельными положениями «Методологии истории» А. С. Лаппо-Данилевского, но, по его же словам, это было именно фрагментарное знакомство. Тем не менее доминантой источниковедческого сознания и мышления оставалось «естественное», своего рода «натуралистическое» понимание мира исторических источников и методики их изучения.

Но приближалось время принципиальных сдвигов. Смерть Сталина и состоявшийся через три года после нее XX съезд КПСС многое изменили в стране, в ее идеологической, политической, куль-

³ Тихомиров М. Н. Источниковедение истории СССР с древнейших времен до конца XVIII в. М., 1940. С. 256.

турной жизни; изменили и ситуацию в историческом источниковедении.

Необходимый комментарий: это написано уже в 1993 г., вышеприведенные строки могут показаться штампом, клише, столь распространенным в предшествующие десятилетия. Но говорить о научном пути нашего выдающегося историка и источниковеда, мы по необходимости должны стремиться к историчности взгляда. В тех условиях, в которых жила страна, только партийный съезд мог стать исходным импульсом к переменам, в т. ч. к переменам в исторической науке. Ни одна сфера знания и художественного творчества, существовавшая в официальном идеологическом, научном, культурном пространстве, не обладала собственным, самодостаточным актуальным потенциалом для содержательного, конструктивного развития. Не обладала им и историческая наука. Необходимо было обращение к «архиву науки». И лишь смягчение идеологического и политического контроля сделало возможным это обращение. Далеко не случаен тот факт, что даже радикальные подходы к изучению отечественной истории и истории партии, существовавшие вне рамок официальной историографии, в том числе илегалы (как, например, кружок Красношевцева), среди основных координат своего бытия называли тот же XX съезд КПСС. Другое дело, что процесс восстановления историографической памяти затянулся в отечественной исторической науке более чем на тридцать лет. Но существенные изменения в источниковедческом сознании происходили уже во второй половине 1950-х — начале 1960-х гг.

Первым шагом в этом плане была постановка вопроса о научном подходе к изучению источниковедения истории советского общества и истории КПСС. Параллельно началось освоение ближайших по времени пластов источниковедческого наследия — забытых и ранее табуированных трудов советских историков-источниковедов 1920-х — 1930-х гг. Обращение к более ранним пластам — к наследию А. С. Лаппо-Данилевского — вплоть до начала 1970-х гг. было «маложно продолжавшим сохранять свою силу тезисом об «идейно-методологическом кризисе» «русской буржуазной исторической науки» начала XX в. В контексте этих противоречивых тенденций, начиная с рубежа 1950—1960-х гг. активно разрабатывается теоретико-методологическая и методико-просветительская проблематика источниковедения. Основная тяжесть этой работы легла на плечи историков, пришедших в науку в самом конце 1940-х — начале 1950-х гг., т. е. того научного поколения, к центральному хронологическому ядру которого принадлежит и С. О. Шмидт.⁴ Значительный вклад внесли ученые старшего поколения (С. Н. Валк, А. И. Гурковский, С. С. Дмитриев, Н. М. Дружинин, Д. С. Лихачев, А. Н. Новосельский, М. Н. Тихомиров, Л. В. Черепнин, В. К. Яцунский) и ряд более молодых историков, пришедших в науку в конце 1950-х — начале 1960-х гг. В обсуждение проблем включились философы и логики, ученые других гуманитарных профессий. За про-

⁴ Историк, принадлежавшие к этому поколению, приступив к работе по обобщению и систематике источниковедческого знания, воссоздавали традиции, неизбежно решали еще одну, более частную задачу: личностное самоопределение и осознание места поколения в «пространстве времени» источниковедения.

шедшие почти сорок лет было предпринято несколько попыток кон-
цептуализации источниковедческого знания; было выдвинуто не-
сколько программ его обоснования: «теоретико-огражательная»,
«теоретико-деятельная», «информационно-коммуникативная»; было
предложено несколько вариантов интерпретации источниковедения с
другими областями знания с позиций: математизации науки, герме-
нетики, общей филологии, теоретической археологии, ин-
форматики, исторической этнологии и т. д. В этом разнообразии
идей, подходов, методологических установок позиция, занятая
С. О. Шмидтом, представляется совершенно особой и, на наш взгляд,
является одной из наиболее конструктивных и перспективных.
Развиваемая им система источниковедческих воззрений в наиболее
мягкой форме связывает эмпирию источниковедческой практики с
теоретическими и методологическими построениями, что особенно
важно именно сейчас, когда стал самоочевиден общемировозрен-
ческий, философский и методологический кризис. В этих условиях
становится ясно, что сегодня отсутствуют предпосылки для создания
целостной логической непротиворечивой и ценностно осмысленной
программы обоснования источниковедческого знания: они отсутству-
ют как в собственно исторической науке, так и в системе социально-
гуманитарного знания в целом. В этой ситуации отказ от однозна-
чных решений, принципиально «нежесткая» трактовка связей между
областями источниковедческого знания и интегративных проблем,
представляется наиболее актуальным и потенциально содержатель-
ным подходом. Разумеется, в системе воззрений С. О. Шмидта есть
и «жесткие» элементы. Но не они определяют смысл и дух его по-
строений.

Вернемся, однако, к рубежу 1950-х—1960-х гг. Тогда С. О. Шмидт,
будучи одним из руководителей нового исторического журнала «Ис-
тория СССР», принял самое активное участие в разработке его про-
граммы. «История СССР» в те годы — один из первых общих
исторических журналов, понимающих конкретно-источниковедче-
скую тематику как обязательный элемент содержания. Наряду с этим
уже во втором номере журнала за 1957 г. публикуются рецензии
В. П. Данилова и А. Ц. Мерзона на «Проблемы источниковедения»,
т. V, ставящие ряд методических и теоретических задач. С. О. Шмидт
принимает участие в работе первых источниковедческих конференций
и совещаний рубежа 1950-х—1960-х гг., а начиная с 1962 г. со все воз-
растающей интенсивностью в печати появляются его публикации по
теоретико-методологическим, методическим и пропагандистским
проблемам.⁵

⁵ Придем основные из них к хринологической неадекватности: Вопросы пре-
одоления источниковедения // Новая и новейшая история. М., 1962. № 4. С. 112—
119; К вопросу о преподавании источниковедения истории КПСС // Вопр. истории
КПСС. М., 1963. № 2. С. 101—104; Современные проблемы источниковедения // Ис-
точниковедение: Теория и метод. М., 1969. С. 7—58; Деятельность Архео-
графической комиссии АН СССР и актуальные задачи научной работы в области
специальных исторических дисциплин // Южноуральский археографический
сборник. Уфа, 1973. Вып. 1. С. 10—22; Выступление по докладу В. Т. Пануто // Кор-
пус древнейших источников по истории народов СССР: Матер. совещания архео-
графо-медиевистов РСФСР, 11—12 апр. 1972 г. М., 1973. С. 69—74. 96; О критериях
оценки исторических памятников // Вопросы научного атеизма. М., 1976. Вып. 20.
С. 88—103; Археография, архивоведение, источниковедение и другие специальные

В наиболее концентрированной форме соображения С. О. Шмидта изложены в его установочной работе 1969 г., в статье о классификации исторических источников 1985 г., в главе сборника «Историческая наука: Вопросы методологии» (1986 г.) и в выступлении на «круглом столе» журнала «Новая и новейшая история» (1987 г.).

Нет смысла здесь пересказывать содержание статьи 1969 г.: любой контекст может дать лишь приблизительное о ней представление, неизбежно выхолостит главное, самое существенное в ней, ее «идеологию». В этой статье С. О. Шмидту удалось сделать то, что практически не удавалось сделать никому из писавших по проблемам источниковедения в 1960-е гг. (как, впрочем, и на следующих витках дискуссии в 1970-х—1980-х гг.¹⁰), а именно: представить многообразие высказанных к концу 1960-х гг. точек зрения одновременно как бы в двух плоскостях, двух проекциях — привести существующие точки зрения (как правило, противоречащие друг другу) на их собственном языке с указанием необходимого контекста и предложить вместе с тем опыт их согласования, координирования в достаточно корректной форме, «снятия» противоречий на том же самом языке, на котором они были заявлены. Оставаясь в системе понятий и категорий, уже сформулированных научным сообществом, С. О. Шмидт сумел решить задачу их «нежесткой» координации и прийти к более глубокому, более адекватному описанию реального строения источниковедческого знания, исходя из понимания его многоуровневости. Эта статья вошла в ядерную зону цитаций в теоретико-историографической литературе, и показательно, что ни один из цитируемых С. О. Шмидтом авторов в своих позднейших публикациях не упрекнул С. О. Шмидта в каком-либо искажении своего воззрения на предмет. Только по одному вопросу С. О. Шмидт допускает «жесткость» и даже однозначность решения. Неоднократно оговаривая и в этой статье, и в указанных выше работах 1985—1986 гг. предварительный, гипотетический, рабочий характер любой системы классификации исторических источников, он все же находит возможным предложить свой вариант классификации. Не вдаваясь в характеристику и оценку его классификационных построений, которые сейчас являются общепринятыми, необходимо признать, что он

исторические дисциплины // Советская историческая наука в 1975—1979 гг. М., 1980. С. 269—287; Источниковедение в кругу других дисциплин и вопросы классификации источников: (Посвящение автору) // Актуальные проблемы источниковедения и специальных исторических дисциплин: Тез. докл. IV Пересовт. конф. М., 1983. С. 3—13; О классификации исторических источников // ВИД. Л., 1985. Т. XVI. С. 3—24; Источниковая база исторической науки и классификация исторических источников // Историческая наука: Новр. методологии. М., 1986. С. 153—163, 251—253; Выступление на «Круглом столе»: «Проблемы преподавания источниковедения» // Новая и новейшая история. М., 1987. С. 175—176, 178—179, 180—182, 185—186; Введение. Гл. 1. Документальные памятники. Задачи археографической работы // Документальные памятники: Выявление, учет, использование. М., 1988. С. 3—44; Документальные памятники в системе источниковедения // История СССР. М., 1989. № 5. С. 111—119. ¹⁰ Др.

¹⁰ Лишь в статье «Источниковедение» (БСЭ, Изд. 3-е. М., 1972. Т. 10. С. 571—572) была предпринята попытка синтезировать существующих представлений; но и этот шаг застрял в исключительно нормативной форме и без какого-либо представления индивидуальных автономных точек зрения.

неизбежно должен был это сделать. Педагогическая деятельность С. О. Шмидта, просветительская ориентация его работ диктовали эту неизбежность. И если в вопросе определения понятий «исторический источник» последнее обстоятельство не только не мешало, но, наоборот, способствовало тому, чтобы ученый оставался в пределах здравого смысла, «органического вззрения» на мир,⁷ то классификационная проблема требовала рационализированных конструкций. При этом, разумеется, С. О. Шмидт полностью отдаст себе отчет в невозможности «универсальной», «всеобщей», «онтологической» классификации исторических источников.⁸

Но вынужденный заниматься неразрешимой проблемой классификации, С. О. Шмидт в целом неизменно остается на позициях научного реализма, нейтрализации крайностей «методологизма» и «антиметодологизма». Реализм научного мышления С. О. Шмидта, характерный для его построений «интервал абстракции», «естественное» («органическое», «натуралистическое») видение мира «источниковедения» позволяют говорить о С. О. Шмидте как об идеологе «срединного пути» в современном источниковедении.¹⁰

Был еще один импульс, заставивший С. О. Шмидта обратиться к классификационным сюжетам. Одним из первых в современной исторической науке он пришел к убеждению, что разработка проблемы «природа и общество» в социальной философии, исторической географии, науках о Земле и науках о живой природе, экологии должна быть дополнена введением ее в горизонт источниковедения. Многое способствовало этому выводу: идеи и имена, в первой половине 1960-х гг. буквально «носившиеся в воздухе» (зарождение экологических представлений; публикации, посвященные В. И. Вернадскому, А. Л. Чижевскому, Н. И. Вавилову; общественный инте-

⁷ Историки... «...все, что может истощить историческую информацию...» (О классификации исторических источников // ВИД. Л., 1985. Т. XVI. С. 81).

⁸ Важнейшей предисловийкой подобной классификации могла бы быть только «теория всего сущего». А так как такой теорией является только философия, и не чем иным, кроме философии, она быть не может, то обнаруживается абсолютная неадекватность предисловийных оснований к решению научной проблемы классификации в системе научного знания. Эта парадоксальная ситуация (и она касается не только классификационной проблемы) — одна из основных причин того удублирования кризиса, который наблюдается в сфере методологической и теоретической рефлексии в источниковедении. Способная «усталость» источниковедения от метаметодологии в своей области самоочевидна. Заметно явнее она складывается ввиду деятельности к этой проблематике. Вспомогая, именно этим объясняется и смежные центром научных интересов С. О. Шмидта и смежные области. И тем не менее повторим еще раз: тип метаметодологической рефлексии, предложенный им в статье 1969 г., полностью сокращает свой эмпирический смысл и снижает, особенно в силу институциональной необходимости исследования процессов, развивающихся в недрах современного источниковедения сознания (и более широко, и в недрах исторического сознания).

⁹ Записывая теоретическими студиями, С. О. Шмидт за последние тридцать лет опубликовал множество исследований конкретно «историковедческого» характера. Полный список см. в редакции Шмидт Станислав Оттович. Библиограф. указ. М., 1987. 88 с.; см. также в библиографии, публикуемой в «Археологическом ежегоднике» за 1992 г.

¹⁰ Характерна его чуждость к языковой материю источниковедческих понятий. Так, благодаря ему стала общепринятой формула «источниковый базис исторического исследования», замещающая не совсем корректное в этом контексте выражение «историковедческая база». Словесно не слушая и его интерес к французской медицине в 1960—1970-х гг., достижения которой С. О. Шмидт одним из первых начал широко пропагандировать в печати и в лекциях.

рес к реконструкциям М. П. Герасимова, Д. Г. Рохлина, тафологическим исследованиям И. А. Ефремова; работы Л. Н. Гумилева, напомнившие, в частности, о старой книге 1947 г. Л. С. Берга «Климат и жизнь» и т. д.),¹¹ логика научного пути самого С. О. Шмидта; его знакомство с французской медиевистикой; общение с А. Д. Люблинской, В. И. Шунковым, В. К. Яцунским; обстоятельства и контакты биографического плана. Трактует «географическую среду» и природные феномены как ряд классов исторических источников, С. О. Шмидт должен был найти им место в классификационном ряду.¹²

С. О. Шмидт по существу первым в современной отечественной историографии концептуализировал источниковедческий подход к проблемам истории исторической науки. В статьях, посвященных этой теме,¹³ он раскрыл многообразие документальной базы историко-научных исследований, подчеркнул важность таких групп источников, как мемуары, дневники, переписка, подготовительные материалы к научным работам, тексты изустной научной традиции и т. д.,¹⁴ интегрировал издавна разрабатываемую архивоведением проблематику личных фондов с историографическими изучениями.¹⁵ В рамках Археографической комиссии под руководством С. О. Шмидта уже много лет идет работа по составлению каталога личных архивных фондов источников (точнее, историков и филологов).¹⁶ Это — тематика и многих работ его учеников по МГИАИ (ныне Историко-архивный институт Российского государственного гуманитарного университета), где он преподает с февраля 1949 г. и формирует научную школу.

Как показало время, первые же собственные историографические работы С. О. Шмидта, появившиеся в 1962 г., обозначили две важнейшие темы из того круга вопросов, которые на протяжении по-

¹¹ Историографический обзор проблемы дан в кн.: *Нужников Л. П. Классификация русских письменных источников по отечественной истории*. М., 1975. С. 74—86.

¹² См. статью 1969 г. и указанные работы 1985—1986 гг. Теоретическому обоснованию вытекающей из вышеназванной статьи Проблемы взаимоотношений общества и природы и некоторые вопросы источниковедения // *Общество и природа: Ист. аспекты и формы взаимодействия*. М., 1981. С. 262—275. Статья вышла не только самой исторической проблемой, но и высказанными предвзвешенными суждениями о характере возникающей междисциплинарности.

¹³ О методике выявления и изучения материалов по истории советской исторической науки // *Тр. МГИАИ*. М., 1965. Т. 22. С. 3—49. Опыт работы со студентами по проблематике источниковедения историографии // *Вопросы историографии и научной школы*. Смоленск, 1975. С. 170—181; Некоторые вопросы источниковедения историографии // *Проблемы истории общественной мысли и историографии*. М., 1976. С. 264—274.

¹⁴ Источниковедческий подход уже со второй половины XIX в. был органически присущ историографии, особенно ее персоналистическому отделу (так же, впрочем, как археографический); однако в богатейшей литературе этого плана мы находим лишь отдельные указания на важность тех или иных источников (взданных и неопубликованных; в частности, неоднократно писал о важности собрания и изучения архивных материалов Г. А. Кизилев). Напротив, в сфере историографии естественными и текстовыми являются серьезные теоретические и методические обобщения: см. капитальные исследования С. В. Шухардина «Основы истории техники» (М., 1961, 278 с.).

¹⁵ См., напр.: *Дмитриев С. С. Личные архивные фонды: Виды и значение их исторических источников* // *Вопр. архивоведения*. М., 1965, № 3. С. 35—49.

¹⁶ Редактируемый же С. О. Шмидтом «Археографический ежегодник» из года в год публикует обзоры фондов и фрагменты наследия ученых-историков.

следующих тридцати лет постоянно его интересовали: история изучения XVI столетия¹⁷ и теоретические проблемы истории советской исторической науки.¹⁸ Здесь более подробно остановимся на этой теме.

Историографическая дискуссия, развернувшаяся на страницах «Истории СССР» по докладу М. В. Нечкиной (1960/1), максимально, по условиям того времени, расширила границы изучаемого «историографического пространства», вернула из небытия многие его области. Сама проблема периодизации развития советской исторической науки, жестко детерминируемая уже сложившимися к концу 1950-х гг. под влиянием учебника «История КПСС» представлениями об основных этапах истории советского общества, трактовалась всеми без исключения участниками дискуссии в достаточно абстрактной, схоластической форме. Но не это определяет конструктивный итог и смысл дискуссии. Важно то, что в ряде публикаций (и статья С. О. Шмидта относилась к числу наиболее в этом смысле радикальных) при неизбежном сохранении терминологии, разделяющей историческую науку 1920-х гг. на «советскую» («марксистскую») и «буржуазную», по существу был выдвинут тезис о диалектике их взаимоотношений в «едином историографическом времени» (этих слов мы не найдем в статье С. О. Шмидта, А. Л. Шапиро, К. Н. Тарновского, но смысл их трактовки проблемы был именно в этом).

Поставленная дискуссией 1960—1962 гг. проблема природы историографического факта стала темой обсуждения в ходе последующих журнальных дискуссий и историографических форумов 1960-х гг. (в т. ч. на «историографических средах» Института истории). Позиция С. О. Шмидта в этом вопросе сводилась, с одной стороны, к широкому пониманию предмета историографии, а с другой — к различению и координации понятий «историческая наука», «историческая мысль», «исторические знания».¹⁹

Это и обусловило, в частности, комплексность трактовки С. О. Шмидтом источниковой базы историографических исследований. Историографическая и историко-методологическая мысль 1960-х гг. при всех своих теоретических достижениях (в т. ч. различении политических позиций, мировоззрения, методологии и методики исследования в творчестве ученых-историков прошлого; различения уровней методологии исторической науки²⁰ и ряда других) не могла, естественно, преодолеть одно из самых устойчивых и догматических представлений советской историографии — тезис об

¹⁷ Вопросы истории России XVI века в новой исторической литературе // Советская историческая наука от XX к XXII столетию КПСС. История СССР. М., 1962. С. 91—136. В современном историографическом издании несколько строчек то впечатление, с которым был воспринят этот коллективный труд, в лучших своих статьях (В. Н. Данилов, Л. В. Данилкин, П. Г. Рындриенко, К. Н. Тарновский, С. О. Шмидта) впервые после книги П. Л. Рубинштейна представляющий опыт авторизации «историографического мира».

¹⁸ О предмете советской историографии и о некоторых принципах ее периодизации // История СССР. М., 1962. № 1. С. 94—104.

¹⁹ О предмете и содержании университетского курса историографии истории СССР // Вопр. истории. М., 1963. № 8. С. 56—70.

²⁰ Значимо выступление С. О. Шмидта в ходе одной из самых заметных дискуссий 1960-х гг.: в прениях по докладу П. Н. Федосеева и Ю. П. Францева «О разработке методологических вопросов истории» (История и социология. М., 1964. С. 284—296).

идейно-теоретическом кризисе русской «буржуазной исторической науки» конца XIX — начала XX в.

Тем не менее в работах ряда историков в эти годы (в т. ч. в статьях и публичных выступлениях С. О. Шмидта) неоднократно ставился вопрос о значении историографического наследия. Конкретизированный язык идеологических формулировок позволял это делать в контексте ссылки на ряд высказываний В. И. Ленина. С середины 1960-х гг. уже можно было в положительном плане говорить о трудах Н. П. Павлова-Сильванского, несколько позже — А. Е. Преснякова. Теоретическое наследие А. С. Лаппо-Данилевского было, однако, фактически табуировано. И когда в 1969 г. в сборнике «Теоретические проблемы источниковедения» (вышедшем под ред. С. О. Шмидта) ряд авторов (в т. ч. и главный редактор) в осторожной форме высказались о значении его трудов для развития источниковедения и дипломатики, то через некоторое время последовала «отповедь» К. Г. Левыкина. Это уже было одним из знаков новой, сильно изменившейся в худшую сторону идеологической и научной ситуации.²¹

В этих условиях публично проявляемые исследовательские интересы С. О. Шмидта смещаются в сторону более частных историографических проблем. Он начинает активно заниматься вопросами истории советского архивоведения и занимается историографическим обоснованием развиваемой им концепции палеоархеографии.²² Возвращается к проблематике источниковедения историографии.²³

С начала 1970-х гг. его пристальное, с каждым годом все возрастающее внимание привлекают вопросы истории отечественного

²¹ *Левыкин К. Г.* О некоторых проблемах источниковедения // *ВН*, М., 1972, № 1, С. 152—158. Рецензия, к счастью (в отличие от других разгромных выступлений начала 1970-х гг.), не сыграла той замечательной роли, на которую потенциально рассчитывался. Но характерно, что доклад В. В. Фарасовина «К оценке некоторых воззрений А. С. Лаппо-Данилевского в области источниковедения» на «Симпозиуме по актуальным вопросам источниковедения» был сделан в конце 1972 г. в составе материалов симпозиума, вышедших с грифом «для служебного пользования».

Парадоксальное судьбы дружно изданный сектор методологии Института истории — «Историческая наука и некоторые проблемы современности» (М., 1969), где, в частности, было опубликовано и выступление С. О. Шмидта в ответ на доклад В. Ф. Нуринского «Мыслимы ли истории приех страны» (с. 3—18). Вскоре после разгромной критики сборника последовало закрытие сектора и, соответственно, ликвидация группы теоретического источниковедения, возглавляемой С. О. Шмидтом.

²² См., напр.: К истории архивного строительства в первые годы Советской власти // *Проблемы архивоведения и истории учреждений*, Л., 1970, С. 19—35; Некоторые итоги и перспективы развития археографии и палеоархеологии // *Археология и источниковедение: Сборник археологических сборников*, Сыктывкар, 1977, Вып. 4, С. 150—157; Некоторые вопросы развития советской археографии // *Археологический ежегодник за 1979 г.*, М., 1979, С. 132—141, и др. Из более поздних работ см., напр.: К изучению истории советской археографической культуры // *Литература и искусство в системе культуры*, М., 1988, С. 487—494; Заметки об источниковой базе трудов по архивоведению // *Классификация, комплексивание и экспертиза ценности документов в советском архивоведении: 1917—1987*, М., 1986, С. 9—19, и др. Все же от в 1980 г. неудачно сложившиеся отношения по методологическим проблемам историографии (предмет историографии, сущность историографического факта). См.: О некоторых общих проблемах истории исторической науки // *Методологические и историографические проблемы истории исторической науки*, Калинин, 1980, С. 109—117.

²³ См. примеч. 13.

краеведения.²⁴ Взаимосвязанное изучение проблемы теории, методики и историографии архивоведения, археографии, охраны памятников и памятникосведения, краеведения, осуществляемое С. О. Шмидтом в его работах 1970—1980-х гг., фактически наметило осто́в целостной многоаспектной программы исследований в этой области. Объективная логика формирующейся программы неминуемо требовала обращения к теме судьбы отечественного краеведения на рубеже 1920—1930-х гг. Возможность для этого открылась только в самые последние годы.²⁵

В начале 1990-х гг. стало возможно и большее — историко-документальное изучение всего т. н. «академического дела», т. е. репрессий, обрушившихся на историческую науку на рубеже 1920—1930-х гг. Постыжение этих трагических событий и их генезиса — сегодня одна из важнейших задач нашей историографии. С. О. Шмидт видит один из путей решения этой задачи в реконструкциях конкретных драматических обстоятельств «архивного строительства» 1920-х гг., в изучении жизненного и научного пути С. Ф. Платонова в первое послереволюционное десятилетие; его взаимоотношений с властью, академическим миром и руководством архивной службой страны.²⁶

За без малого сорок лет, прошедших со времени первого обращения С. О. Шмидта к историографической тематике,²⁷ им опубликовано множество работ различных жанров. Наибольшее их число имеет персоналогический характер — даже о В. И. Ленине, В. Н. Татищеве, М. В. Ломоносове, Н. М. Карамзине, К. Ф. Калайдовиче, В. В. Пассеке. Многие ученые последних полутора столетий: В. П. Адрианова-Перетц, И. Л. Андроников, Н. П. Андиферов, А. В. Арциковский, П. И. Бартенев, С. В. Бахрушин, С. К. Богоявленский, С. Н. Валк, С. Б. Веселовский, Н. Н. Воронин, А. А. Губер, Н. М. Дружинин, Н. И. Зарубин, А. А. Зимин, В. О. Ключевский, И. Н. Кобленц, Д. С. Лихачев, В. Д. Лихачева, Е. А. Луцкий, А. Д. Люблинская, А. Ц. Мерзон, А. П. Окладников, Н. П. Павлов-Сильванский, Н. К. Пиксанов, С. Ф. Платонов, М. Н. Покровский, Н. Н. Покровский, И. И. Полозин, А. Е. Пресняков, А. М. Разгон, Н. Л. Рубинштейн, Б. А. Рыбаков, Ю. Я. Рыбаков, В. И. Савва, Д. И. Тверская, М. Н. Тихомиров, Л. В. Черепнин, А. А. Шахматов, В. И. Шунков, М. В. Щепкина, Н. Я. Эйделман — здесь приведен список ученых (историков и филологов

²⁴ См. выше, примеч. 9. Ряд работ посвящен истории краеведения.

²⁵ Золотое десятилетие советского краеведения // Отечество. М., 1990. Вып. 1. С. 11—27. Труды краеведов и развитие историкоисследования // Перестройка в исторической науке и проблема историкоисследования. Киев, 1990. С. 37—38; Роль краеведения в развитии отечественного краеведения // Краеведы Москвы. М., 1990. С. 7—16; Краеведение и культура России первой трети XX столетия // Русская культура в первой трети XX в. М., 1991. С. 29—34, и ряд других. С широчайшей полнотой тема раскрыта им в книге: Краеведение и документальные памятники. Тверь, 1992. 86 с.

²⁶ Замысловое им исследование этого вопроса С. О. Шмидт предполагает опубликовать в «Археографическом ежегоднике за 1992 год». Некоторые предварительные соображения более общего порядка были высказаны еще в 1988 г. (см.: Выступление на «Круглом столе» «Историческая наука в 20—30-е годы» // История и историки. М., 1990. С. 84—91).

²⁷ Малозвестное письмо К. Ф. Калайдовичу: (Из истории взаимоотношений исторических дисциплин) // Тр. МГИАН. М., 1954. Т. 7. С. 223—226.

прошедших десятилетий и наших современников), о которых С. О. Шмидт написаны историографические очерки и мемуарные заметки, кому посвящены его публичные выступления, наследие которых опубликовано им или под его редакцией.²⁸

«Человек в науке», в неповторимости индивидуальных жизненных и творческих судеб, и «время» как объективная данность историографического процесса, субстанциональные свойства единства его субъективно-объективных связей — понимание и осознание этих вещей есть и предпосылочная установка подлинно историографического мышления. В трудах С. О. Шмидта это понимание и осознание проявляются отчетливо и зримо.

Особое место в приведенном списке занимают имена М. Н. Тихомирова, Н. П. Павлова-Сильванского, П. М. Карамзина.

Работами и организационными усилиями «Тихомировщина» стала одной из наиболее активно разрабатываемых в современной историографической персонологии тем с постоянством ритма исследований и публикаций, устойчивой традицией проведения ежегодных «Тихомировских чтений» и издания их материалов в «Археографическом ежегоднике». Перед нами — пример того, как содержательно и целенаправленно может развиваться исследовательско-публикационная деятельность даже в ситуации, когда уже, казалось бы, выполнено основное: изданы собрания трудов ученого, сборники его памяти, биография, описание архива, библиография. И самое главное — фронтальное изучение тихомировского наследия — существенный импульс к необходимой интеграции исследований в сферах историографии, источниковедения, архивоведения, археографии, истории книг, кодикологии, рукописеведения, краеведения, дела охраны памятников, исторической географии.

Совместно с С. В. Чирковым С. О. Шмидт издал труды Н. П. Павлова-Сильванского.²⁹ Уже само название помещенной в «Приложении» его статьи «Сочинения Н. П. Павлова-Сильванского как памятник истории и культуры» определяет ее основное содержание и смысл.

Для С. О. Шмидта — в силу собственных его исследовательских интересов и присущей ему стилистики выражения — чрезвычайно значимы не только сами теоретические идеи Н. П. Павлова-Сильванского компаративистского плана о сущности русского феодализма (отметим, что компаративистская ориентация присуща и работам С. О. Шмидта по истории социально-политического строя XVI—XVII вв.), но и принципиально научно-просветительская установка «Феодализма в древней Руси», одной из двух книг Н. П. Павлова-Сильванского, вошедших в издание (С. О. Шмидт — убежденный сторонник обращения фундаментальной исторической науки к

²⁸ Благодаря С. О. Шмидту (и П. В. Братинской) в последние годы началась публикация материалов наследия филолога Я. Э. Голдшера. В частности, С. О. Шмидт издал (со своим послесловием — кратким, но чрезвычайно содержательным очерком жизненного и научного пути Я. Э. Голдшера) его замечательную работу «Секрет автора. „Штосс“ М. Ю. Лермонтова» (Русская литература. СПб., 1992. № 4. С. 45—71).

²⁹ *Павлов-Сильванский Н. П. Феодализм в России* / Ст. С. О. Шмидта и С. В. Чиркова; предм. С. В. Чиркова; отв. ред. С. О. Шмидт. М., 1988. 969 с. (Памятники исторической мысли).

широкой читательской аудитории), а также то обстоятельство, что в горизонт научных исследований историка феодализма естественным образом встраивается ряд ключевых проблем истории России XVIII столетия.³⁰

Пропедевтика исторических знаний, популяризация достижений исторической науки — одно из центральных направлений научной и преподавательской деятельности С. О. Шмидта, определяющее очень многое в его творчестве. Его суждения по этим вопросам (в какой-то степени неизбежно связанные с темой личностной самоидентификации, в контексте дихотомии «исследователь / педагог») постепенно приобретают характер глубоко продуманных решений о природе исторического сознания, его структуре, эволюции и социальных функциях; взаимосвязи социопознавательного, историографического, источниковедческого и культурно-исторического подходов к его анализу и интерпретации; о проблеме историзма мышления.³¹

Размышления над процессом развития отечественного исторического сознания, логика историографического поиска «самим ходом вещей» ставят перед ученым новый круг проблем, связанных с изучением ключевых, основополагающих моментов нашего национально-культурного бытия. Со второй половины 1980-х гг. С. О. Шмидт обращается к теме пушкинского историзма и к вопросу о месте Н. М. Карамзина в истории русской культуры и русской исторической науки. Изучив совокупность материалов, содержащих эволюцию воззрений А. С. Пушкина на «Слово о полку Игореве», С. О. Шмидт выдвинул аргументированное предположение, что 1836 г. — «...время приступа Пушкина к широко замысленному исследованию

³⁰ См. в этой связи работы С. О. Шмидта: *Внутренняя политика царизма в 1725—1862 гг.* М., Ин-т истории. Сектор по истории международной «Истории СССР», 1962. 32 с. (репринт); Проект П. И. Шувалова 1754 г. «О разных государственных пользах стихов» // ИА. М., 1962. № 6. С. 100—118; *Дворянские перевороты и внутренняя политика царизма в 1725—1762 гг.* // История СССР с древнейших времен до наших дней. Матер. М., 1964. Т. III. Ч. III. Кн. I. С. 533—589 (репринт); *La politique intérieure du tsarisme au milieu de XVIIIe siècle* // *Annales. Histoire, Sociétés, Civilisations*. Paris, 1966. N 1. P. 95—100; *Внутренняя политика царизма во второй четверти XVIII в.* // История СССР с древнейших времен до наших дней. Первая серия. М., 1967. Т. III. С. 251—273; *Внутренняя политика России середины XVIII века* // ИИ. М., 1987. № 3. С. 42—58.

³¹ См. исследовательские и публицистические статьи, доклады, выступления и широкой печати: *Жизни семь времен* // *Отечество. Библиотека «Комсомольской правды»*. М., 1966. № 8. С. 20—23; *История мышления* // *Наука убеждает*. 2-е изд. М., 1969. С. 347—377; «Невозможно исконные, а прошлые, не думая о настоящем» // *Культурно-исторические наследия Руси и европео-азиатские исследования*. М., 1985. С. 66—89; «Слово о полку Игореве» и становление и развитие поэтики о памятных культурах // *Памятник отечества*. М., 1986. № 1. С. 152—161; *Историографические исторички и литературные памятники* // *Исследования по древней и новой литературе*. Л., 1987. С. 356—363; *История одного отзыва. О литературном спеларии В. Шукшина «Я пришел дать вам волю»* // *Из прошлого в будущее*. М., 1990. С. 190—194; *Предисмысленный исторички и историографической культуре России* // *Реализм исторического мышления: Пробл. отечественной истории периода империализма*. М., 1991. С. 262—263; *Исторический некрополь в системе культуры России* // *Московский некрополь: история, археология, искусство, охрана*. М., 1991. С. 8—23; *Художественная литература и искусство как источник формирования исторического представлений* // *Проблема отечественной истории и культуры периода империализма: Чтения памяти П. Б. Кобрина*. М., 1992. С. 200—203.

исторического и филологического характера» по истории русского средневековья.³²

В этой же статье отмечается, что к 1836 г. «...Пушкин овладевает умением — употреблять его же выражение — „вслушиваться“ в „Историю“ Карамзина, вчитываясь в его ученые примечания».³³ Приведенные строки, помимо своего прямого содержания, — еще и своеобразный автокомментарий к собственным занятиям их автора карамзинским наследием.

В 1988 г. «под наблюдением» Д. С. Лихачева и С. О. Шмидта выходит репринтное воспроизведение пятого издания «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина.³⁴ Кни. 4-я издания, наряду со стрелецким «Ключом», содержит чрезвычайно интересную статью С. О. Шмидта «„История государства Российского“ в культуре дореволюционной России».³⁵ Под несколько иным углом зрения труд Н. М. Карамзина рассматривается в другой его статье «„История государства Российского“ в контексте развития мировой культуры».³⁶ Здесь С. О. Шмидт, в частности, пишет: «То было высокое „искусство истории“ (слова Н. М. Карамзина. — *И. Б.*), когда долг ученого, не позволяющего „себе никакого изобретения“ и стремящегося подтвердить историчность „достоверности“ поисков „духа и жизни в текущих картинах“... органически совмещал со следованием дорогим ему и этически и эстетически нормативам и даже творением грамматических форм. Именно это позволило Карамзину создать „героический эпос“ (определение В. М. Эйхенбаума). В истории мировой культуры „История государства Российского“ — редчайший пример, когда великий памятник исторической мысли воспринимается и как великий памятник художественной литературы».³⁷

Взаимосвязанное изучение пушкинской и карамзинской проблематики традиционно для дореволюционной филологии и исторической науки. Частично это единство сохранилось в трудах лучших наших филологов послереволюционной эпохи (В. М. Эйхенбаума, Ю. М. Лотмана и ряда других). В сфере истории исторической науки дело обстояло значительно хуже. С. О. Шмидт, обратившись одновременно и взаимосвязанно к проблематике пушкинского и ка-

³² Шмидт С. О. А. С. Пушкин и «Слове о полку Игореве» // Древности славы и Руси. М., 1988. С. 168. См. также другие его работы: «Слове о полку Игореве» в жизни Пушкина // Пушкинские чтения в Тарту: Тез. докл. Тарту, 1987. С. 88—89; Перед дуэлью: «Слове о полку Игореве» — спутник неделимых месяцев лета // Неделе. М., 1989. № 23. С. 11.

³³ Шмидт С. О. А. С. Пушкин и «Слове о полку Игореве». С. 172.

³⁴ Карамзин Н. М. История государства Российского / Подгот. под наблюдением Д. С. Лихачева, С. О. Шмидта. Репринт. воспроизведение изд. пятитом. вышущ. в 3-х тт. с прил. «Ключом» Н. М. Стрелеца. М., 1988. Кни. 1—4.

³⁵ Карамзин Н. М. История... Кни. 4. С. 28—43. На полкоролевском материале проблема эта частично освещена в ряде докладов С. О. Шмидта.

³⁶ Всемирная история и Восток. М., 1989. С. 187—202.

³⁷ Там же. С. 198. Важные соображения о конкретные шаблоны содержатся также в статье С. О. Шмидта и его примечаниях к карамзинскому тексту в изд.: Карамзин Н. М. Об истории государства Российского / Сост. А. И. Уточи. Отп. ред. автор очерка о Н. М. Карамзине и примеч. С. О. Шмидта. М., 1990. 383 с. См. также: Шмидт С. О. Диалог с Карамзиным // Лит. газ. М., 1941, 5 февр.; Пушкин и Карамзин // Николай Михайлович Карамзин: Юбилей 1991 года. Сб. науч. трудов. М., 1992. С. 73—91; Н. М. Карамзин — история // Новая Карамзини. М., 1992. С. 22—33.

рамзинского историзма, восстановил подлинно научную историографическую традицию.

Включив же в начале 1990-х гг. в круг своих научных занятий ряд проблем, связанных с изучением жизни и творчества В. А. Жуковского, С. О. Шмидт впрямую подошел к возможности восстановления естественных очертаний предметного горизонта знания об истории русской культуры первой половины XIX в. «Вещи возвращаются на свои места».

И те же выписки из книг,
И те же книги сопоставленья

(В Пустерняк)